

DOI: 10.15372/HSS20160208
УДК 392.31

Е.Ф. ФУРСОВА

БРАЧНЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ*

Елена Федоровна Фурсова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17,
e-mail: mf11@mail.ru

Картографирование кругов брачных связей русских сибиряков представляет тем больший интерес, что ни в дореволюционной, ни в советской этнографии не было обобщающих исследований на эту тему. Согласно полевым данным, подбор невест в сибирских старожильческих селениях юга Западной Сибири, как правило, происходил по принципу этнокультурной близости и землячества. У старообрядцев, кроме этнокультурной близости, при выборе невест руководствовались принципом единства вероисповедания, а именно, принадлежностью к конкретному согласию. Такие браки поддерживались старшими поколениями селян. На основе полевых материалов автор делает вывод, что традиции сватанья невест из соседних и даже отдаленных деревень свидетельствуют о приверженности обычаю деревенской экзогамии, ориентация же на «своих» невест, внутри близкой в культурном отношении группы, указывает на эндогамию. Стойкость этих обычаев способствовала сохранению этнокультурных групп юга Западной Сибири до начала 1930-х гг.

Ключевые слова: Западная Сибирь, круги брачных связей, этнокультурные группы, старожилы, переселенцы, обычаи экзогамии, эндогамии.

E.F. FURSOVA

MARITAL RELATIONSHIPS OF SIBERIAN PEASANTS AS A MECHANISM OF PRESERVATION OF CULTURAL ISOLATION

Elena F. Fursova,
Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, 630090, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: mf11@mail.ru

The purpose of the article is not only to revive interest in a controversial issue of prevalence of exogamy or endogamy practices in the selection of marriage partners in Siberian villages, but also to substantiate the author's position on this subject on the basis of new ethnographic materials of the early XX century. Of interest is mapping the circles of marital relations of the members of the Russian ethnos, especially Siberians, due to the fact that neither pre-revolutionary, nor Soviet ethnographers produced any comprehensive studies on this topic. Mapping the marital relationships allows to confirm or deny the data on the territory of settlement of ethnic groups (especially groups of Old Believers) obtained from the oral reports of the informants; to complement the whole wedding ritual complex with necessary materials. While historians on the basis of historical data concluded that exogamy was typical of the XVIII century, ethnographers based on field materials of the late XIX century wrote about the wide-spread endogamy, which contributed to isolation of certain ethnic groups (such as the Cossacks, peasants).

Expeditions organized by the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences obtained field data that proves, regardless of the work of predecessors, that in the late XIX – early XX century representatives of specific ethnic and cultural (ethnographic) groups created local groups, whose members avoided intermarriages. Endogamous marriages were supported by the older generations of villagers. Hence, the tradition of matchmaking brides from neighboring and even remote villages reflected the commitment of the villagers to the custom of exogamy, while commitment to “our” brides from the culturally similar group points to endogamy. Persistence of these practices contributed to the preservation of ethnic and cultural groups in the southern part of Western Siberia through to the early 1930s when in line with the state's policy of the “new life” the youth was oriented to take advantage of the right to choose their own destiny.

Key words: Western Siberia, circles of marital relations, cultural groups, Old-timers, Immigrants, customs of exogamy, endogamy.

*Работа выполнена благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Картографирование явлений духовной и материальной культуры всегда являлось одним из центральных направлений исследований отечественных этнографов. В работах, посвященных задачам картографирования традиционных обрядов, основное внимание уделялось свадебной обрядности (А.К. Байбурин, А.В. Гура, К.В. Чистов, Г.Г. Шаповалова и др.). Картографирование кругов брачных связей представителей русского этноса, особенно сибиряков¹, представляет тем больший интерес, что ни в дореволюционной, ни в советской этнографии не было обобщающих исследований на эту тему. Картографирование кругов брачных связей позволяет подтвердить или опровергнуть полученные из устных сообщений информантов границы проживания этнографических групп (особенно старообрядческих), дополнить необходимыми материалами весь комплекс семейно-свадебных обычаев.

В Сибири во второй половине XVIII в., согласно исследованиям историка Н.А. Миненко, примерно 80 % браков заключалось между жителями разных деревень [1, с. 195]. В отличие от архивных источников, метрических книг, переписей населения, полевые этнографические материалы позволяют обозначить не только круг деревень юга Западной Сибири, которые поддерживали семейно-родственные связи, но и весь комплекс сопутствующих данных (каким образом и по каким критериям налаживались родственные связи, формы общения родственников и пр.). Частично эти вопросы затрагивались нами в ранее вышедших работах на основе этнографических материалов Приобья, в которых была раскрыта традиция избирательного гостевания во время престольных или съезжих праздников, связанная с установлением родственных отношений, прежде всего брачных союзов [2, с. 107–118].

Проведенные Институтом этнографии Российской академии наук в 1960–1970-х гг. полевые исследования показали значительную плотность семейно-родственных связей. Был выявлен тот факт, что экзогамия, характерная для XVIII в., уступила место широко распространившейся эндогамии, что способствовало обособленности этнографических групп (например, казаков, крестьян) [3, с. 238–239]. Круги брачных связей на примере русских Алтая рассматривала В.А. Липинская, которая пришла к выводу, что приезд переселенцев конца XIX – начала XX в. не вызвал в старожильческих семьях отказа от прежних предпочтений в выборе невест [3, с. 238].

Согласно материалам экспедиций, проведенных Институтом археологии и этнографии СО РАН², представители конкретных этнокультурных (этнографических) групп создавали в конце XIX – нача-

¹ Здесь: сибиряки – жители Сибири, от топонима «Сибирь» (обобщенный вариант толкования). Вариант: сибиряки – коренные русские жители Сибири (местный вариант толкования).

² Восточнославянский этнографический отряд (1982–2015 гг.), руководитель Е.Ф. Фурсова.

ле XX в. локальные коллективы, мало роднившиеся между собой. По поводу традиций сватовства местные жители высказывались кратко, но четко. Например, кержачка из д. Платоновка Северного района Новосибирской области отмечала: «Чалдон к хохлу уже не ехал. Кержак к чалдону уже не пойдет»³. В населенных пунктах, составлявших брачные круги, проживали крестьяне не только соответствующей конфессии или старообрядческого согласия, но и близкие в этнокультурном отношении селяне. Семьи, входящие в фамильные гнезда, были связаны родством по мужской линии, круги брачных связей между соседствующими деревнями характеризовали родство по женской линии.

Среди пожилых жителей Верхнего Приобья можно было встретить много информантов, хорошо осведомленных в вопросах наименования тех населенных пунктов, из которых односельчане ездили сватать невест и с которыми поддерживали родственно-соседские связи и обменивались гостевыми визитами. Например, сибирячка Е.И. Цопина из Сузунского района Новосибирской области поясняла: «В Тарадановой с Чирухи, Каргополовой, Малышевой невест брали... Парень девушку присмотрел, засылает сватов...»⁴. Из этих сел на Петров день и Масленку приезжали в Тараданову родственники, а с ними также их соседи и знакомые⁵.

Таким образом, смотр и выбор невест был тесно связан с гостевыми визитами во время так называемых престольных (вариант: съезжих) праздников народно-церковного календаря. Жители бывшего с. Чемское по р. Чем⁶ хорошо помнят, что к ним на престольный праздник Михайлов день приезжали гости из соседних селений Мосты, Агафониха, Дергаусово (там жили *чалдоны*). В д. Колтырак Тарсьминской волости Кузнецкого уезда крестьяне съезжались на Николу летнего из Юртов, Макрушиной, Гагаркиной и Степногутовой⁷.

Из деревни Милованово Ординской волости Барнаульского уезда ехали праздновать Казанскую в д. Ключи этой же волости, а у себя принимали гостей в Крещение. Состояли миловановцы в связях также с соседями д. Малетино. В Чаусской волости Томского уезда из деревень Паутово и Выюнов ездили в Кандыкову на Николу зимнего, в Паутово ждали

³ Блинова Домна Федоровна, 1918 г.р., родилась в д. Платоновка Верхне-Тарской волости Каинского уезда. Родители приехали из с. Глубокое Витебской губернии. Старообрядцы. – ПМА. Д. 31. Л. 7.

⁴ Цопина Евдокия Ивановна, 1915 г.р., родилась в д. Тараданово Малышевской волости Барнаульского уезда. Деды и родители – местные сибиряки.

⁵ Сотникова (дев.: Зыкова) Марина Семеновна, 1907 г.р., родилась в д. Тараданово Малышевской волости Барнаульского уезда. Деды и родители – местные старообрядцы.

⁶ В настоящее время входит в Тогучинский район Новосибирской области.

⁷ Некрасов Е.И., д. Колтырак Тогучинского района Новосибирской области.

родственников и гостей из этих деревень в Михайлов день, во Вьюнах – на Крещение⁸.

Во всех перечисленных в качестве примера деревнях население относилось к так называемым сибирякам (чалдонам), для которых была характерна устоявшаяся система выбора брачных партнеров, поскольку все деревни были связаны соответствующими обязательствами. Сватать в другую деревню ехали в том случае, если не находилось подходящей девушки по месту проживания. Как считают информанты, раньше сватать предпочитали девушек, которых рекомендовали соседи, родственники; бывал даже специальный термин – «подобрать» невесту. Поэтому каждая девушка должна была с малых лет следить за своей репутацией, стараясь создать о себе мнение хозяйственной, трудолюбивой. Смотрели «на род»: не было ли в родне будущей невестки или зятя пьяниц, больных, гулящих и т.д.

Российские переселенцы в первые годы жизни в Сибири также ориентировались на своих, близких в этнокультурном отношении «расейских», хотя устойчивых кругов брачных связей в первой четверти XX в. у них не сложилось. Много таких примеров обнаружилось, например, во время экспедиционных работ в Топчихинском районе Алтайского края. Так, у старейшей жительницы с. Чистюнька В.Г. Сидельниковой родители были привезены из Черниговской и Полтавской губерний в соседнее с. Хабазино, оба родителя А.Г. Иконниковой являлись потомками воронежских уроженцев⁹. «Мои предки по матери приехали в Сибирь из Киевской губернии, а по папе – они воронежские», – вспоминала о своих родителях К.С. Тюркина¹⁰. По ее мнению, родители, хотя и разговаривали, употребляя русские и украинские слова, однако хорошо понимали друг друга, так как и ранее, в Воронежской губернии, эти восточнославянские народы жили вместе. О родственном сближении семей в с. Локтинское Каменской волости Томского уезда, приехавших из разных селений Орловской губернии, писала сибирская фольклористка Н.С. Кутафина (на основе метрических книг Пророко-Ильинской церкви начала XX в.) [4, с. 100].

Если кому-то из приезжих удавалось выйти замуж за сибиряка, они и их родственники входили в местную систему брачных кругов, приспособившись к гостевым традициям. Приведем воспоминания жительницы волостного с. Шубинка Бийского округа Т. И. Толмачевой. «В Шубинке праздник был Покров в честь

Покровской церкви. Престольный праздник Покрова Божьей Матери. К нам все съезжались: приезжали разные родственники и знакомые из деревень Безруковой и Чемровки. Тетка Зиновия из Чемровки была взята, няня Анютка в Чемровку выходила замуж... Вот уже сколь там сватов-то! Вот они все и приезжали. Родственные связи крепкие были»¹¹. В рассказе звучала гордость рязанцев, вступивших в родственные отношения с коренными сибиряками из Безруковой и Чемровки (по-рязански «Чамровки»), с которыми, таким образом, наладились гостевые отношения.

В среде белорусов и украинцев Причулымья и Барабы в первой трети XX в. браки заключались как среди этнически «своих», так и с местными старожилами православного вероисповедания. Такие «смешенные» браки не считались престижными у сибиряков, редко отдававших своих дочерей «добром», не желая обрекать их на бедность и неустроенность. Переселенцы, как уже отмечалось, стремились породниться с местными жителями, чтобы быстрее адаптироваться и улучшить свое экономическое положение. В ходе экспедиционных наблюдений много чалдонско-белорусских браков, заключенных в 1920–1930-х гг., наблюдалось в Причулымье, в деревнях по р. Каргат. Например, К. И. Аникеенко из д. Васильевка Чулымского района Новосибирской области вспоминала, как ее мама, «могилевская белоруска», Анна Яковлевна Королева и ее сестры выходили замуж за сибиряков¹². В сибирской семье сначала «не очень приветливо встретили невесток, но потом полюбили за трудолюбие».

Малозаметные градации этнокультурных различий и связанные с ними варианты коллективных прозвищ и самоназваний существовали среди южно-русских и украинцев, которые в представлении местных сибиряков выглядели одинаковыми («хахлы», т.е. не умевшие говорить твердое «г»). По этому поводу приведем интересный случай из жизни семьи переселенцев из Тамбовской губернии, который рассказала А.Д. Маторина¹³. «У нас в Седельниково всяких, и чалдонов, и всяких. А там деревни Кули, там хахлы. У меня сестра выходила замуж, свадьбу гуляли как по-хохлатски. Привезли ее, она со свадьбы ... Гости домой с мамой и она с имя: «Не буду в хахлах жить, и все». Это как по-чалдонски говорят, а эти шибко по-хахлатски. И приехала домой со свадьбы. Дак он все ее жалел, такой курчавый, красивый жених-то был, и она-то кудрявая. Ну и эта, как вот в Грушку поедут, все к нам заезжали: «Ульяна, миленькая, как я тебя люблю».

⁸ Пономарева Н.И., д. Вандакурово Колыванского района Новосибирской области.

⁹ Сидельникова Варвара Григорьевна, 1921 г.р., родилась в с. Хабазино Топчихинского района Алтайского края. По материнской линии – из Черниговской губернии, по отцовской – из Полтавской. – ПМА, 2015; Иконникова Анна Гавриловна, 1927 г.р., проживает в с. Чистюнька Топчихинского района Алтайского края. Потомок воронежских переселенцев.

¹⁰ Тюркина (дев.: Твердохлебова) Клара Степановна, 1934 г.р., д. Переясловка Топчихинского района Алтайского края. ПМА, 2015. Потомок киевских и воронежских переселенцев.

¹¹ Толмачева Татьяна Ивановна, 1910 г.р., д. Шубинка Шубинской волости Бийского уезда. Деды приехали из Рязанской губернии в 1880-х гг.

¹² Аникеенко (по мужу – Ильюшенко) Клавдия Ивановна, 1918 г.р., д. Верх-Каргат Каргатской волости Каинского уезда. Деды по отцу – сибиряки, по матери – переселенцы из Могилевской губернии. – ПМА. Р. 27. Л. 2.

¹³ Маторина (дев.: Граненко) Анна Дмитриевна, 1930 г.р., д. Тамбовка Седельниковского района Омской области. Звали «тамбошами».

Как выяснилось из бесед, севернорусские переселенцы не считали благополучными союзы с южнорусскими, украинцами, белорусами. Поэтому села в Кыштовской и Верх-Тарской волостях Каинского уезда, где проживали выходцы из западных губерний Российской империи, составляли свои круги брачных связей. В последние входили соседние селения с преобладанием православного белорусского населения – деревень Колбаса, Крутиха, Ивановка, Камышенка. Селяне-католики в расположенных по соседству с. Спасское (ныне пос. Венгерovo) и д. Тынгыза также старались заключать браки внутри своего круга, ориентируясь на единоверческую семью.

В старообрядческих семьях значительно дольше, вплоть до Второй мировой войны, родители возражали против случайных браков, т.е. заключения союзов с не-старообрядцами. Так, сузунские старообрядцы и «двоеданы» были ориентированы на единоверцев из расположенных недалеко старообрядческих селений Алтайского края. Приведем рассказ православной сибирячки А.А. Некрасовой из с. Малышево Сузунского района Новосибирской области: «На съезжий праздник Крещеня, а летом на Троицу – приезжали в Малышеву из Бобровки, Аллаку... Аллакские-то замуж в Бобровку выходили. Родня там. На Аллаке были старoverы, и в Бобровке были старoverы. Они и роднились. У них не церква была, а моленна... Были они кержачки»¹⁴. Еще сообщения от информантов-«двоеданов» о сватовстве в Ординской волости Барнаульского уезда: «На Миколу Зимнего к нам в Устюжанино ехали сваты с Верх-Алеуса, Пушкарей, Среднего Алеуса, а у кого были сродственники, так и из Строчей ехали. Престольный же праздник. Мы ездили в Средний и Верхний Алеусы, Пушкари»¹⁵.

Эта ситуация являлась типичной, что подтверждается многочисленными сообщениями и по отношению к другим группам старообрядцев. «Наши деревенские женихи брали деревенских невест из Красковой, Новососедовой (Старый Искитим. – Е.Ф.)», – вспоминала потомственная кержачка Р.Л. Шмакова¹⁶ из д. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области. Вместе с тем для 1920-х гг. известны случаи, когда старообрядцы сватали невест из не-старообрядческих семей, но всегда при условии перекрещивания в «свою веру», т.е. согласие. Действительно, антропологические исследования свидетельствуют, что даже наиболее замкнутые в прошлом старообрядческие группы не были полностью изолированными [5, с. 158–166].

¹⁴ Некрасова Анфиса Андреевна, 1910 г. р., д. Малышево Сузунского района Новосибирской области. Старообрядка. – ПМА, 1991/2. Л. 11.

¹⁵ Спиридонова Елизавета Александровна, 1911 г. р., с. Новокузьминка Ординской волости Барнаульского уезда. Кержачка. – ПМА, 1990.

¹⁶ Шмакова Р.Л., 1902 г. р., родилась в Новошмаково Боровлянской волости Барнаульского уезда (ныне Черепановского района Новосибирской области). Кержачка австрийского согласия. Прожила в д. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области. – ПМА, 1990. Д. 20.

Свои брачные связи сложились и у выходцев с территорий Витебской, Виленской губерний – русских старообрядцев-беспоповцев Васюганья (по р. Таре), которые приезжали сватать невест в отдаленные селения федосеевского согласия (деревни Бергуль, Макаровка, Платоновка). По воспоминаниям жителя д. Макаровка Геннадия Петровича Федотова, когда «на Богородицу ездили в Бергуль – девчата уже угощали орехом. Двадцать восьмого августа как раз орехи поспевают. Большинство парней ездили пригладить себе невесту»¹⁷. «Белорусские москали», как их звали на территории Белоруссии, или, по-сибирски – кержачки, длительное время роднились в своей среде, считая даже единоверцев из близлежащей деревни Ичкала неподходящей партией своим детям. Согласно нашим данным, основной причиной такого неприятия были культурные различия: ичкалинцы являлись носителями северо-восточных русских традиций, бергульская группа – северо-западных.

Аналогичными материалами мы располагаем и в отношении алтайских старообрядцев. В 1920-е гг. в Солонешенском районе Алтайского края, при жизни старшего поколения наставников соблюдалась брачная связь, четко ориентированные на представителей конкретных согласий и этнокультурных групп. Так, солонешенские «поляки»¹⁸ роднились со старообрядцами деревень Сибирячиха, Топольное, Колбино (теперь Искра), Туманово. Солонешенские часовенные роднились с соседями из пос. Глиняный¹⁹. Поскольку в одних и тех же селениях, случалось, проживали представители разных согласий, то приверженцы каждой «веры» имели свою сеть брачных кругов. «Мы славяне, чисто русские. Раньше брали только своей веры. Если ты согласна перейти в нашу веру, значит, брали», – рассказывала старейшая «кержачка» с. Солонешное А. А. Филиппова в 1999 г.²⁰

Село Шемонаиха Восточно-Казахстанской области Казахстана в 1995 г. местными жителями считалось чалдонским, хотя П. Палласом, посетившим в XVIII в. Алтайский горный округ, оно указывалось как «коренное польское селение» [6, с. 217]. Согласно нашим полевым исследованиям, круг брачных связей шемонаихинцев первой четверти XX в. охватывал села, с населением которых наблюдалась общность истории, этнических и религиозных традиций (старожильческие села Спасское и Белый Камень)²¹.

¹⁷ Федотов Геннадий Петрович, 1919 г. р., д. Макаровка Северного района Новосибирской области. Старообрядец. – ПМА, 1994.

¹⁸ «Поляками» называли старообрядцев, насильственно переселенных в 60-х гг. XVIII в. с современных территорий Брянской области России и Гомельской области Белоруссии (территорий бывшей Речи Посполитой) в указанные им районы Западной и Восточной Сибири – в Забайкалье и на Алтай. На Алтае по месту выхода получили коллективное прозвище «поляки».

¹⁹ ПМА. РА13, л. 27 об.

²⁰ Филиппова Анна Антоновна, 1918 г. р., с. Солонешное Алтайского края. Старообрядка часовенного согласия.

²¹ Агафонова Анна Никоновна, 1915 г. р., с. Шемонаиха Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. ПМА, 1995. №. 21, л. 45 об.

Несмотря на то, что деревни были распределены в плане сватанья невест, тем не менее, инциденты по этому поводу случались. Курский переселенец Т.И. Плюшов, как и другие пожилые мужчины, считал деревенские драки за невест обычным явлением: «Дрались старики, и молодые дрались из-за девок. Вот в этой деревне много девок, а в той деревне парней много. Ну и в этой деревне парни есть, вот они встречаются, а этим парням обидно, что наших девок берут, вот и стычка у них получалась. Кто сильнее, тот и побивал. Да, бывало, и курские дрались с сибиряками. В каком краю сильнее парни, те и побеждали»²².

Местами знакомства молодежи были не только съезжие или престольные праздники, но и святочные игрища, масленичные катания на санях и с гор. На эти молодежные гуляния собирались только односельчане, ребятам из других деревень появляться возбранялось под угрозой битья²³.

В период гражданской войны и коллективизации, а также в связи с пропагандой интернационалистских, антирелигиозных идей круги брачных связей стали постепенно размываться. С разрушением церквей и уничтожением приходов уходили в прошлое престольные праздники и связанные с ними традиции гостевания. Часть молодежи восприняла новые идеи и считала «устаревшими» взгляды родителей на брак. В своем выборе такие молодые люди уже не ориентировались на местные крестьянские традиции и не принимали во внимание культурные и экономические условия жизни новой семьи. Однако многие наши информанты, сочетавшиеся браком в 1920-х гг., считали, что они прислушивались к советам родителей и придерживались сложившихся обычаев, предпочитая жить в своей или окрестных деревнях (по этому поводу приводили такую поговорку: «Хоть за курицу, да со своей улицы»). Часть предсвадебных обычаев, в том числе ориентации на выбор брачных партнеров, стойко сохранялась до начала 1930-х гг., т.е. до массовых репрессий среди крестьянства последующего десятилетия.

Приведенные этнографические факты не были единичными, они подтверждались сообщениями многих информантов 1910–1920-х гг. рождения. Согласно полевым данным, подбор невест в сибирских селениях юга Западной Сибири, как правило, происходил по принципу этнокультурной близости (землячества) и единства вероисповедания. При соответствующем подходе не возникало особых разногласий относительно

но исполнения свадебных обрядов, а впоследствии – различий в жизненно-бытовых укладах. Следовательно, традиции сватанья невест из соседних и даже отдаленных деревень свидетельствуют о приверженности обычаю деревенской экзогамии, ориентация же на «своих» невест, внутри близкой в культурном отношении группы, указывает на эндогамию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
2. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Ч. 2. 268 с.
3. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.
4. Кутафина Н.С. Метрические книги Пророко-Ильинской церкви с. Локтинского Каменской волости Томского уезда // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 92 – 114.
5. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 189 с.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 1770 г. 571 с.

REFERENCES

1. Minenko N.A. Russian Peasant Family in Western Siberia (XVIII – First Half of the XIX century). Novosibirsk: Nauka, 1979. 350 p. (In Russ.)
2. Fursova E.F. Calendar customs and rituals of the East-Slavonic Peoples of the Novosibirsk Region. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2003, pp. 175–181. (In Russ.)
3. Lipinskaya V.A. Old-Settlers and Resettlers. Russians in the Altay Region of the XVIII–Early XX century. Moscow: Nauka, 1996, 269 p. (In Russ.)
4. Kutafina N.S. Parish Registers of the Church of Ilya the Prophet in the Village of Loktinskoye, Kamenskaya volost of the Tomsk uyezd. *Pravoslavnye traditsii v narodnoy kulture vostochnykh slavyan Sibiri i massovye formy religioznogo soznaniya XIX–XX vv.* Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2006, pp. 92–114. (In Russ.)
5. Russian Old-Settlers of Siberia. Historical and Anthropological Essay. Moscow: Nauka, 1973, 189 p. (In Russ.)
6. Pallas P.S. Journey Through Various Places of the Russian State By Order of the Saint-Petersburg Academy of Sciences. Saint Petersburg, 1786, vol. 2, b. 2, 1770, 571 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 7.03.2016

²² Плюшов Т.И., 1918 г.р., с. Загайново Тальменского района Алтайского края. Родители приехали из Курской губернии.

²³ Зубарева (по мужу Потапова) Ольга Дмитриевна, 1912 г.р., родилась в д. Кирза Ордынского района Новосибирской области. Коренная сибирячка. – ПМА. № 23. Л. 22.